

С. Н. БУЛГАКОВ

О Вл. Соловьеве

Вопрос *личный*: юношеская любовь. Соловьевское общество: Рач<инский>, Труб<ецкой>, Эрн, Флор<енский>, Берд<яев>, Вяч. Ив<анов>, «Путь». Соловьевство не в учении, но проблематике, не в *что*, а как. *Личная религиозная судьба*. При полной свободе от сол<овьевских> доктрин, к<ото>рые не выдержали критики времени и своего собственного дилетантизма в исполнении, кроме того, aberrации во всех почти решительных пунктах учения, он сохраняет символическое значение, свойственное только ему. При этом только он один, кроме еще, м<ожет> б<ыть> Конст. Леонтьева, не безответен перед совершившимся, к<ото>рого *не* видели ни славянофилы, ни Дост<оевский>, что внушает нам «насмешку горькую обманутого сына над обманувшимся отцом».

1) С<оловье>в и проблема *религиозной философии* *Ars philosophandi*¹: «созерцание и умозрение». Русский, православный тон философии, отличный от мнимо-беспредпосылочного протестантского: если Кант — ключарь зап<адной> философии, родившейся от схоластики, то Вл. С<оловье>в, *mutates mutandis*² то же для русской. Его филос<офские> труды («Крит<ика> отвл<еченных> нач<ал>», «Чт<ения> о Богочел<овечестве>», «Фил<ософские> нач<ала> цельного знания») суть только опыты, но в них *осознаны* проблемы религ<иозной> философии. Это не было абсолютно ново (Сковорода, Юркевич, Кудрявцев), но это является основным для нашего поколения, и за ним следуют Трубецкие, моск<овская> группа и молодые. Фактически С<оловьев> не был свободен от зап<адной> фил<ософии> (как и Хомяков, и славянофилы), но он и не стремился к обособлению. Воскресший в нем *платонизм*, как подлинная, родная сфера русского философств<ования>. Сейчас философия становится для нас непонятной роскошью,

живем без философии, но когда придет время возвращения к ней, это будет возвратом и <именно> к С<оловье>ву, не в его учении, но [в] проблематике.

2) С<оловье> в как *богослов*. Церковная четкость и резкость в нем с юности: учение о Церкви, таинствах, посте и молитве: сравнение с <1 нрзбр.> расплывчатым, диккенсовским мировоззрением Д<остоевско>го, хотя он сам и называл его «православием». С<оловье>в связал свою судьбу с великим и роковым вопросом о соединении Церквей, отсутствие к<отор>ого он ощущал как рану на своем собственном церк<овном> теле, и идеал видел не в разделении, но в эпохе соединения. Для него это вопрос не национально-культурный или церковно-политический, но догматико-канонический, требующий углубленного и самоотверженного, свободного от страсти суждения по существу. Колебания в т<очке> зр<ения> Вл. С<оловье>ва по этому вопросу: раннее славянофильство, вселенско-церковная т<очка> зр<ения> на вопрос, его учение о папстве и папизме, о протестантизме, взгляд на историю Европы как на историю Зап<адной> Церкви и мысль о незаконченности церк<овного> развития и стремления к восстановлению единства, которому препятствует как католический империализм, так и неподвижность востока. Католический уклон В. С<оловье>ва 80-х годов. Влияние еп<ископа> Штроссмайера, личность последнего. *La Russie et l'Eglise universelle*³, — слабость этой книги, составленной не столько по соб<орным> актам (как может показаться по цитатам), сколько по катол<ическим> шпаргалкам, и, главное, уклончивость в отношении к Ватик<анскому> догмату, лишь вскользь упоминаемом. Рядом с этим свое собственное богословствование о Софии, чуждое и ненужное католикам.

Проповедник соединения Церквей, отрицавший силу разделения, вдруг, тайно, переходит в католичество в 1893 г.⁴, причем после этого причащается и погребается в православии. Я не могу ни понять, ни оправдать этого факта: был ли это интеркоммунальный эксперимент, но к чему вело это нарушение канонических запретов, было ли это отчаяние перед казенщиной победоносц<евского> режима (о которой мы основ<ательно> забыли). Но это шаг самоубийственный для дела С<оловье>ва, к<ото>рый теперь усердно эксплуатируется католиками, к<ото>рые глухи к основной мысли С<оловье>ва и делают его униатом. Т<очка> зр<ения> «Трех разговоров»: там снова соединение Церквей, причем примат Петра совершенно не ясен. Заслуга С<оловье>ва сделать этот вопрос делом жизни и пре-

восходство его т<очки> зр<ения> над всяческим конфессионализмом, чисто оборонительным. Ч<еловече>ская слабость — не выдержал и хотел видеть несозревший плод, стал экспериментировать. Мечта о теократии, как царствию Божию в истории, — иудейский, ветхозаветный <1 нрзбр.> мотив теократии по существу: его отрицание одними и чаяние другими, христианская общественность.

3) С<оловье>в и учение о Церкви как *Софии*, ничего общего не имеющее с католичеством, где Церковь понимается скорее как папа. Влияние немецкой теософии и нездоровая гностика: «Дева радужных ворот»⁵. «Чтения о Богочеловечестве». «О ч<еловече>стве О. Конта». Новгородская иконография. Уклон С<оловье>ва: «женственность» Софии и женскость⁶. Уравнение относит<ельно> женщины: неверное изложение содержания новгор<одской> иконы: там не женщина, но ангел. Личный мистический опыт С<оловье>ва: приложить его стихотворения и нек<ото>рые письма. Область двусмысленного и скользкого: мистическая эротика переходит просто в эротику, София в Сонечку, область мистического блуда. Анна Шмидт. Особая острота и пронзительность этого мотива, которому отдавали дань увлечения многие (и я). Поэзия Блока — «Прекрасной Дамы» как отражение с<оловье>вства: она кончается тупиком: мистическая иллюзия и аберрация. Реактив Фрейда в применении к С<оловье>ву (его статьи «о смысле любви», его склонность к сальностям), конечно, разрешает только поверхностную сторону вопроса. Средневековая мистика Прекрасной Дамы, Бедный Рыцарь Пушкина. Душа мира, — в низшем, тварном аспекте женственна, но это всего Афродита, допустим, даже «небесная», а не всенародная, но этой *мистике* никогда нельзя давать значения религии, и в природной подставке церкви видеть Церковь. Это еще — плоть, хотя и в самом утонченном состоянии, притом греховная, грехом растленная, сладострастная *плоть*. Или это земля, «мать сыра земля», или земля — владычица, природная мать, из к<ото>рой мы состоим и в к<ото>рую уходим, но это все-таки *тварь*. Но не то сверхтварное, божественное начало, которое есть небесная церковь.

4) С<оловье>в как критик и публицист. «Национ<альный> вопрос», наименее симпатичное и ныне изрекаемое, но именно ныне наиболее нужное. Борьба С<оловье>ва с национ<альным> самодовольством и фарисейством и его предвидение национ<альной> катастрофы. Путь творческого покаяния и самопознания. <1 нрзбр.> духовный и национальный ревизио-

низм. Разница между Россией и эмиграцией. Там Гефсим<анская> ночь, здесь — ксенофобия, хвастливость, барабанное «гром победы раздавайся», именно то, с чем боролся С<оловье>в, к<ото>рый был не услышан по-настоящему тогда и теперь. По-прежнему стоит вопрос о деле Петровом, вопрос пушкинский. Единая Европа, единая судьба христианского ч<еловече>ства или же единство давно разрушено, но тогда и безнадежно и окончательно связанная с Европой Россия также не м<ожет> б<ыть> истинным Востоком без истинного Запада. Вызов и презрение К. Леонтьева, но к Востоку не меньший, чем к Западу. Можно ли согласиться *быть без России* во имя всел<енского> православия? Таков с<оловье>вский вопрос.

5) С<оловье>в как поэт. Важность и значение его худож<ественной> критики. Несовершенство его формы, но особая мистич<еская> музыка его поэзии. Важность соединения поэтич<еского> и филос<офского> дела. Его поэзия есть больше чем «веселое ремесло» и в этом все дело. Ему не дано было просто *петь* как птица, но *лишь* повествовать о событиях. Платон. «Пророк?» как бич и кантианства, и нашего русского быта, вследствие чего получилось такое падение вкуса и вдохновения. Мотивы поэзии С<оловьев>ва: его мистич<еская> эротика и гностика, мать-земля, мистическая дружба, ясновидение души. Лазурь. Белые колокольчики⁷. С<оловье>в был не чрезмерно, но недостаточно поэтом в своем философствовании и богословствовании: его католичество и публицистика нередко схоластичны и сухи.

6) С<оловье>в как апокалиптик. «Три разговора» и «Повесть об Антихристе», — юродство среди кажущейся прочности мира. Буревестник. Этой стихии совсем не было в славянофильстве, этой апологии *быта*. Обращенность к будущему. С<оловье>в не был «пророк», как и Д<остоевск>ий, б<ыть> м<ожет>, он и сам иногда соблазнялся о себе, но в нем жил дух пророчествования, о к<ото>ром сказано: «Пророчества не уничтожайте». Пророки от Бога, взыскание пророчества от людей: религ<иозная> динамика, устремленность к будущему. Люди особого духовного помазания: сюда относятся: А. А. Иванов⁸, в изв<естном> смысле даже Гоголь, арх. Феодор Бухарев⁹, Д<остоев>ский, Сол<овьев>, наше поколение, ему чуждо и враждебно славянофильство и иже ныне с ним, в своем быте и фактопоклонстве, в духовной реакции и реставрации. Здесь проходит мистическая грань, разделяющая людей и поколения, причем, по-видимому, сейчас лишь через голову современников, молод<ого> поколения, будущему, еще не пришед-

шему, приходится нам подавать голос свой. Но в С<оловье>ве, во всех его аберрациях, связанных с его дерзаниями, был этот дух помазания, в нем и через него пробивалось будущее. И дорого, и нужно нам не его учение, но он сам, его религ<иозная> проблематика, его сложность, его судьба. И [потому] он прожил дни свои одиноким и бездомным странником, который внял внутренним слухом сказанным словам: «Не имеем здесь пребывающего града, ибо *грядущего* взыскуем»¹⁰.

Professio fidei Tridentum:

In catholicam et apostolicam Romanum Ecclesiam omnium ecclesiarum matrem et magistram agnosco; Romanoque Pontifici, beati Petri Apostolorum principis successori ac Jesu Christi vicario, veram oboedientiam spondeo ac juro (Enchir<idion>, 999)¹¹.

В 1890 г. в письме в редакцию «Нового времени» заявление: «Я никогда не менял вероисповедания» (Письма. Т. III. С. 178).

В 1886 г. в письме к архим. Антонию Вадков<скому>: «Могу Вас обнадежить, что *в латинство никогда не перейду*» (187). «На попытки обращения, направленные против меня лично, я отвечал прежде всего тем, что (в необычайное для сего время) исповедался и причастился в православной сербской церкви в Загребе, у настоятеля ее о. иером<онаха> Амвросия. Вообще я вернулся в Россию, — если можно так сказать, — *более православным*, нежели как из нее уехал» (189)¹².

Власть папства «держится доверчивой преданностью масс, ничего не слышавших о *мнимых* формальных правах папства» (IV, 79)¹³.

Папизм состоит в «ревнивом, суевливом отношении к своей власти, в стремлении поставить эту власть на почву внешнего формального права, обосновать ее юридически, укрепить ее ловкой политикой, защищать силой оружия» (ibid.).

Разобрать христианский восток по частям, как об этом мечтают фанатики латинства, невозможно... Правосл<авный> восток никогда не м<ожет> б<ыть> *обращен в латинство*, ибо в так<ом> случае Церковь Вселенская превратилась бы в Ц<ерковь> латинскую (IV, 93) (в 1883 г.).

«Едина святая соборная и апостольская Церковь (веря во Христа, <главу?> иерархии)¹⁴ существенно пребывает и на востоке и на западе и вечно пребудет, несмотря на временную вражду и разделение христ<ианского> мира» (98).

Соловьев от соединения Вост<очной> и Зап<адной> Церквей ждал и воссоединения с протестантством, после того как у катол<ического> начала авторитета отнимется внешний и *приносит<ельный>* его характер (101).

...я признаю высшим судьей в делах религий — pour juge suprême en matière de religion признававшегося отцами, т. е. ап<остола> Петра, живущего в своих предшественниках (далее установительные тексты)... Слово ваше, о народы слова, это теократия свободная и вселенская, истинная солидарность всех народов и всех классов, христианство осуществляемое в нашей жизни, христианизованная политика (LXVII)¹⁵.

Предчувствую тебя; года проходят мимо,
Но в облике одном предчувствую тебя
Весь горизонт в огне пылает нестерпимо
И молча жду тоскуя и любя¹⁶.

